

ГЛАВА 6

ССЫЛКА В ТАШКЕНТ. В ВОЛОГДЕ. СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ ПЕРЕВЕЛСЯ В ПАРИЖ. СМЕРТЬ МАРКСА.

Снова Петропавловская крепость и ссылка в Ташкент.

Весной 1880 года, то есть через 13 месяцев после ареста, состоялось постановление о высылке Лопатина в Восточную Сибирь, но снисходя к желаниям его родни по жене, Герману заменили высылку на Ташкент.

До Оренбурга его сопровождал гражданский конвой. А за благополучное прибытие Лопатина в Ташкент поручился родственник жены Глинко-Янчевский 10 000 рублями.

По пути в Ташкент Герман Александрович послал в Ставрополь письмо отцу, с просьбой выслать в Ташкент его формуллярный список.

Снова началась подневольная жизнь ссыльного, с той лишь разницей, что с ним жила семья — любимый сын Бруно и Зина.

Когда весной 1881 года жена с сыном уехали в Петербург, чтобы хлопотать о переводе Германа Александровича в другое место и таким образом освободить Н. Глинко-Янчевского от его поручительства на случай побега, Лопатин немедленно ушел от Янчевского к знаменитому исследователю Средней Азии Василию Федоровичу Ошанину. К тому самому Ошанину, который в 1878 году открыл грандиозный ледник и назвал его именем своего друга — ледником Федченко.

Ошанин познакомился с Г. Лопатиным у Петра Ивановича Хомутова.

Когда Герман Александрович был выпущен из Петропавловской крепости, перед высылкой в Ташкент, он решил помочь доктору Веймару, с которым был в приятельских отношениях. Лопатин хо-

рошо знал, что Веймар не имеет никакого отношения к убийству Мезенцова. Лопатин заявил об этом начальнику III отделения Шмидту и открыл ему не установленный следствием и невыгодный для него факт своего пребывания в Петербурге в день убийства Мезенцова. Лопатин сказал, что это утро он провел в компании Веймара. Заявление Лопатина не приняли в расчет, и доктор Веймар был осужден на каторгу безвинно.

Герману Александровичу было запрещено выезжать за пределы Ташкента, но Василию Федоровичу удалось выхлопотать разрешение, чтобы Лопатин сопровождал его во время экскурсий и научных поездок. Зная, что Лопатин живет на квартире Ошанина и ни в коем случае не подведет своего друга, генерал-губернатор К. П. Кауфман сразу дал такое разрешение.

Друзья надолго ездили в Ходжент [ныне Ленинабад] и совершили экскурсии по тугаям Сырдарьи.

Тем временем жена Лопатина Зинаида Степановна старалась доказать властям в Петербурге, что Герман Лопатин хочет теперь только спокойной жизни и просит перевести его в Вятку или в Вологду. На прошении Зинаиды Степановны кто-то сделал пометку: «Гер. Лопатин по-видимому, совершенно отрезвился. Прошу сообщить, есть ли возможность удовлетворить его просьбу. Лопатина я знаю с 1866 года — не террорист, за остальное не ручаюсь».

Директор департамента полиции сообщил о решении перевести Лопатина из Ташкента в Вологду.

* * *

Действительный статский советник Александр Николаевич Лопатин подал прошение на имя Ставропольского губернатора, в котором писал: «В делах канцелярии Вашего превосходительства находится формулярный список сына моего, служившего в должности младшего чиновника особых поручений при Ставропольском губернаторе, коллежского секретаря Германа Лопатина и высланная ректором Санкт-Петербургского университета копия с диплома, выданного 14 октября 1867 г. за № 2933 советом того университета вышеназванному сыну моему на учченую степень кандидата.

Так как ныне сын мой находится в пути из Санкт-Петербурга в Ташкент, где по распоряжению начальства назначено ему местожительство, и где он желает поступить на службу, а между тем не имеет при себе никаких документов нужных для того, то, вследствие письма его ко мне с дороги, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходительства о высылке Турке-

станскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту фон Кауфману, для выдачи сыну моему, отставному коллежскому секретарю Герману Лопатину вышеназванных копий с диплома его на степень кандидата и копии с формулярного списка или аттестат о службе его, и о времени отправления этих документов почтить меня уведомлением...

Мая 15 дня 1880 года г. Ставрополь¹

АТТЕСТАТ

Дан сей аттестат состоявшему причисленным к канцелярии Ставропольского губернатора коллежскому секретарю Герману Лопатину в том, что, как видно из секретного дела сей канцелярии за 1868 год под № 41, ему тогда от роду было 24 года, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, жалованья не получал, из дворян.

По окончании полного курса наук в Императорском С.-Петербургском университете, по естественному разряду физико-математического факультета, утвержден советом университета в звании кандидата, с правом, при вступлении в гражданскую службу, на утверждение в десятый класс.— 14 октября 1867 года.

Согласно просьбе, по журналу Ставропольского губернского правления, состоявшего 7 октября 1868 года, причислен к канцелярии Ставропольского губернатора седьмого октября 1868 года.

... Во время состояния в сей должности ему поручались для разработки весьма серьезные и сложные дела, производившиеся по канцелярии губернатора, независимо от этого на него же возложено было исправление должности письмоводителя в учрежденном тогда комитете общества попечения больных и раненых воинов.

По представлению Ставропольского губернатора, указом Правительствующего Сената от 25 ноября 1869 года за № 174 утвержден в чине коллежского секретаря, по степени кандидата С.-Петербургского университета, со старшинством 7 октября 1868 года, т. е. со дня поступления на службу.

По распоряжению Ставропольского губернатора с 2 января 1870 года отчислен от должности младшего чиновника особых поручений и с того же дня причислен для занятий по канцелярии губернатора, затем, вследст-

вие побега из гауптвахты, в тот же день по постановлению Ставропольского губернского правления уволен во все от службы с 10 января тысяча восемьсот семидесятого года...

ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 5222, л.л. 1—3—3 об.—4.

* * *

Лопатин прибыл из Ташкента в Самару 10 февраля 1882 года. По распоряжению самарского полицмейстера за ним сейчас же был учрежден полицейский надзор. Отчасти тягость надзором, отчасти мечтая о бегстве за границу, Лопатин подал на имя самарского губернатора Свербеева прошение, в котором писал, что им отправлено прошение на имя министра внутренних дел о разрешении следовать до гор. Вологды без конвоя, просил до получения ответа министра приостановить высылку.

На этом прошении губернатор положил резолюцию: «Снестись с департаментом полиции».

На копии прошения, под резолюцией губернатора, какой-то, должно быть очень дерзкий шутник из канцелярии, написал карандашом:

Герман, Герман, милочка!
Шампанского бутылочка,
Полфунтика икры —
Свободен будешь ты!

Под стихами — другим почерком — сделана размашистая надпись: «Идиот! Сам пойдешь за Германом Лопатиным. Социалист чертов!»

Далее рукою автора стихов помечено:

«Фебруарий, чем пахнет чиновничий гербарий? Как думаешь?»

Все эти надписи немного постерты, но легко читаются с помощью лупы.

В конце концов Лопатину пришлось ехать с конвоем.

19 февраля 1882 года департамент полиции уведомил губернатора, «чтобы поднадзорный Герман Лопатин был выслан в город Вологду в сопровождении полицейских служителей, в партикулярном платье, причем издержки на проезд возможно принять на счет казны в том лишь случае, если Лопатин не имеет средств принять таковые на свой счет».

Когда Лопатин прибыл в Вологду, местный полицмейстер выдал конвоирам его 4 марта 1882 года квитанцию,

в которой удостоверил, что принял Лопатина «в исправном виде».

Герман Лопатин на полицейском жаргоне третировался... как живой груз.

Дубинин А. Г. А. Лопатин под квитанцией. Из архивных курьезов.—«Русская молва», 1913, № 95.

* * *

... В делах Вологодского жандармского управления находится справка вологодского полицмейстера от 20 апреля 1882 года, подтверждающая семейное положение Германа Лопатина. В этой справке сообщается, что отставной коллежский секретарь Герман Лопатин в бытность свою в Англии женился там по местным законам на русской подданой Зинаиде Степановне Абсентовой. В России Лопатин вторично с нею не перевенчался, а потому официально она его фамилии не носит и проживает в настоящее время в Петербурге по собственному паспорту.

«Особое совещание,—говорится в справке,—образованное согласно 34 ст. Положения о государственной охране, определило перевести Лопатина из г. Ташкента в г. Вологду для жительства под надзором полиции, сроком на 3 года, считая с 2 марта 1882 г.».

В архиве канцелярии самарского губернатора имеется «Дело о дворянине Германе Лопатине». В одном из документов судебного отдела департамента государственной полиции от 12 ноября 1881 г., хранящемся в этом деле, сообщается: «Господину самарскому губернатору. Судебный отдел департамента государственной полиции имеет честь уведомить Ваше превосходительство для зависящих с вашей, милостивый государь, стороны распоряжений, что господин председатель особого совещания, образованного согл. ст. 34 полож. о государственной охране, разрешил находящемуся под надзором полиции в г. Ташкенте, переведенному согласно определения особого совещания в г. Вологду дворянину Герману Лопатину, переехать из г. Ташкента до города Самары с проездным свидетельством, из Самары же в гор. Вологду — в сопровождении одного из полицейских служителей.

10 февраля 1882 года г. Лопатин из Ташкента прибыл в Самару.

... Вологодский вице-губернатор 5 марта 1882 года уведомил департамент полиции о прибытии Г. А. Лопа-

тина в Вологду, а 6 марта предписал полицмейстеру учредить за ним надлежащий полицейский надзор. Конвойрам же была выдана квитанция, в которой удостоверялось, что «живой груз», то есть Г. А. Лопатин, принят «в исправном виде».

11 марта вологодский губернатор дал предписание полицмейстеру о просмотре корреспонденции на имя Г. А. Лопатина. «В дополнение к предписанию от 6 сего марта № 184,— говорится в этом документе,— поручено вашему высокоблагородию подвергать просмотру корреспонденцию состоящего под гласным надзором полиции дворянина Германа Лопатина».

Герман Александрович был до крайности возмущен произволом вологодских властей относительно ежедневных явок в полицейское управление и подвержением унизительным формальностям полицейского просмотра семейной переписки. После двухнедельного проживания в Вологде он написал губернатору:

«11 сего марта жена моя послала мне из Петербурга заказное письмо. 14 числа вечером это письмо пришло в Вологду и было предоставлено здешним почтамтом, согласно полученной им инструкции, в распоряжение Вашего превосходительства. Что же касается до меня, то я не получил письма и по настоящую минуту...»

Далее Лопатин докладывал губернатору о возмутительном отношении к себе местных властей, о произволе полицейских «без всяких к тому оснований».

«Объявить г-ну Лопатину, что я считаю себя обязанным просматривать его корреспонденцию лично, почему и прошу его доставлять мне лично для просмотра все письма»,— написал губернатор на прошении Г. А. Лопатина.

Вологодский губернатор немедля запросил министра внутренних дел по вопросу ходатайства Лопатина. 19 апреля 1882 года департамент полиции на этот запрос сообщил следующее: «На основании § 29 высочайше утвержденного 12 минувшего марта положения комитета министров о полицейском надзоре, корреспонденция поднадзорных подлежит просмотру не иначе, как по распоряжению г. министра внутренних дел. Вследствие ходатайства коллежского секретаря Германа Александровича Лопатина, состоящего под надзором полиции в г. Вологде, товарищ министра признал возможным освободить его корреспонденцию от наблюдения»...

25 апреля 1882 года повестка об отмене распоряжения о просмотре корреспонденции была вручена Г. А. Лопатину, на которой он расписался, что читал. Юридически полицейская цензура над письмами была отменена, но написанные Лопатину женой ранее письма по-прежнему задерживались. 25 апреля Герман Александрович пишет новое прошение на имя губернатора, в котором указывает, что выдача корреспонденции ему была задержана начальником Вологодской губернии только до получения ответа министерства.

Согласно выработанным новым правилам для административной ссылки, корреспонденция поднадзорных не должна подлежать просмотру губернских властей, за исключением особых распоряжений министра, а так как над Лопатиным не было особых распоряжений, то он просил губернатора дать распоряжение о выдаче ему из канцелярии губернатора двух почтовых объявлений для получения с почты заказных писем. Эти объявления хранились в канцелярии больше месяца. Все это время Герман Александрович оставался без всяких сведений о своей семье.

В новых правилах о полицейском надзоре указывалось, что поднадзорные обязаны являться в полицию «по первому требованию», то есть по особому приглашению со стороны полиции, но ничего не говорилось об ежедневных или периодических явках. Поэтому Лопатин просил, что, коль новые правила исключают от ежедневных визитов в полицию, сделать надлежащее распоряжение об освобождении его от ежедневных явок в Вологодское городское полицейское управление.

Все эти ежедневные явки в полицию были крайне неприятны и унизительны. На самом же деле, добиваясь отмены явок, Лопатин преследовал другую цель. Во что бы то ни стало ему надо было бежать, а чтобы осуществить побег, надо было основательно подготовиться. Из-за этого он добивался отмены полицейского надзора и избавления цензуры над письмами.

Наделенный большой дальновидностью от природы и наученный горьким опытом, он не мог допустить, чтобы оставить след в неполученных с почты заказных письмах. Ведь они могли навести на его след, и тогда замысел о побеге мог бы провалиться.

Лопатин бежал из Вологды «самолично». Его побегу предшествовали следующие обстоятельства. Летом 1882

года Лопатин виделся в Вологде с приезжавшим сюда ревизором провинциальных отделений государственного банка, бывшим полковником Б-вым. Через него были установлены связи и содействие к бегству. В это же время, 25 июня, из Петербурга приехала жена с сыном Бруно. Вологодский полицмейстер в тот же день доложил рапортом вологодскому губернатору о том, что в г. Вологду прибыла из Петербурга к состоящему под гласным надзором полиции Лопатину вдова поручика Зинаида Степановна Апсентова, которая также привлекалась к дознанию в государственном преступлении и в настоящее время состоит под негласным надзором полиции.

... В сентябре 1882 года Герман Александрович выезжал в г. Грязовец.

Он дал расписку вологодскому полицмейстеру в том, что «получил от него проходное свидетельство до г. Грязовца за № 415 и маршрут». Вологодский полицмейстер тотчас же сообщил грязовецкому исправнику, что поднадзорный Лопатин отпущен на один день в Грязовец и просил «проследить и донести, что делал Лопатин в Грязовце?»

Исправник незамедлительно ответил, что «Лопатин выбыл с поездом в Вологду, но ни в чем не был замечен». А Герман Александрович ездил к грязовецкому купцу Васильеву, который оказывал ему содействие в побеге.

... Революционер Лопатин, уверяя губернатора в своей аполитичности, проводил революционную работу и в г. Вологде. Проживая во II участке г. Вологды, в доме Матавтиной, он часто навещал находившихся под негласным надзором полиции ссыльных революционеров. Вологодские гимназисты рассказывали, что Герман Александрович бывал в гимназии и проводил там революционную работу.

В делах вологодского жандармского управления имеется характеристика на Лопатина, данная полицмейстеру 29 января 1883 года. Один из фильтров сообщал: «Вашему высокоблагородию имею честь донести, что состоящий под надзором полиции Лопатин ежедневно по вечерам отсутствует из квартиры до двух часов ночи, проводит время у дёвиц Юшиных. Также он часто бывает в квартире поднадзорного Карпова и можно сказать, что Лопатин, Юшины, Карпов связаны между со-

бой неразрывною дружбою. Кроме того, ведут знакомство и посещают других лиц, также заподозренных в политической неблагонадежности». Поэтому я не имею положительно никакой надежды, чтобы Карпова, Лопатина насколько-нибудь исправить в политической благонадежности».

А в донесении полицейских говорилось: «Лиц в этом кружке, известных полиции, насчитывается 24, причем в среде оного являются по временам еще люди и неприметные полиции, потому что ходят чично и сильно закрывают себя платьем...» «...На собраниях, часто повторяющихся, читают и пишут. Читали в кружке журнал «Дело», «Русская мысль», старый «Современник», «Что делать?» Чернышевского.

В квартире сестер Юшиных осенью был произведен обыск, во время которого нашли запрещенную статью Чернышевского.

Губернатор писал, что «такие опытные и неисправимые ссыльные... как Лопатин, не позволяли захватить себя врасплох». Он выдал в распоряжение полицмейстера определенную сумму денег на наем особого полицейскогосмотрителя и обязал доносить ежедневно о результатах надзора.

Даже местный священник выпытывал на исповеди тайны у прихожан. Он донес губернатору, что мать Юшиных секретно брала деньги у купца-мужа и передавала их дочерям. Деньги эти шли на помощь ссыльным.

Тогда губернатор решил разослать наиболее деятельных членов лопатинского кружка по отдаленным местам губернии «дабы разъединить эту группу и пресечь вместе с тем возможность вредного влияния ее в Вологде на учащуюся молодежь», — писал он.

Лопатина решено было отправить в уездный городок Шенкурск, на берегу Северной Двины.

Выполнить свою «идею» губернатору не удалось из-за его болезни.

Когда Герман Александрович узнал о готовящейся ему участи, он «собственной властью перевелся в Париж». А перед побегом решил «попрощаться» с министром внутренних дел письменно. 20 февраля 1883 года он писал ему: «...Вам неугодно было удовлетворить моего ходатайства, и я получил решительный отказ. Со своей стороны и я не вижу никаких причин продолжать

еще далее это тягостное существование, которое разбило постепенно даже мою семейную жизнь».

...Пишу все это не для себя, а скорее для других, т. е. собственно для того, чтобы указать Вам по этому поводу — как вырабатываются правительством террористы, динамитчики и т. п. люди. Конечно, человек моего возраста, с вполне сложившимися убеждениями, не может переменить их вследствие личных неудач и неожиданно поверить в силу ножа и пистолета в деле изменения государственных порядков (иначе происходит дело с молодежью).

...Не говоря уже об общих непорядках, действующих более или менее на всякую незаскорузлую душу, возьмите одно только личное положение поднадзорного и посмотрите — как оно должно влиять на него: 1. Материальное его положение хуже и не знаю чего... 2. Умственная его жизнь опять-таки ужасна... 3. Наконец, нравственное его положение тоже ничем не лучше.

Авось Вы поверите словам человека, которому нечего теперь просить у Вас, а, следовательно, и не для чего лгать, и постараетесь воспользоваться коронацией, чтобы уменьшить размеры той громадной шкалы «отчаянных», и чтобы изменить царствующие в ней порядки, не могущие вызывать ничего, кроме озлобления.

В противном случае, все успехи, достигнутые тайной полицией в деле открытия революционных складов разных орудий разрушения и т. п., окажутся только временными, так как эти вещи, при известной обстановке, походят на древнюю гидру, возрождавшуюся из своей собственной крови...»

Шаньгин А. Жизнь в борьбе. Вып. III. Вологодское кн. изд-во, 1962.

* * *

...Лопатину удается с помощью знакомого человека получить свой револьвер из полицейского управления под предлогом его продажи. Вологодский губернатор, видимо, что-то подозревая, намеревался выслать Лопатина из Вологды, но революционер опередил царского чиновника и вскоре с помощью своих вологодских друзей «собственной властью перевелся в Париж». Он бежал из Вологды 24 февраля 1883 г., оставив письмо министру внутренних дел.

Проведенное вскоре после побега местными поли-

Брат Германа Лопатина Всеволод

человек — ссыльный Лопатин. Чтобы не иметь ненужных свидетелей, кучера не взяли.

Полицейские власти узнали о побеге своего поднадзорного только от самого Васильева, который после возвращения в Вологду 26 февраля, чтобы отвести от себя подозрение, сообщил полиции о бегстве Лопатина якобы в его отсутствие (ВОГА, ф. 129, оп. 1, д. 39, л. 57 об.). Полиция, как видно из документов, подозревала Васильева в содействии побегу, но улик у нее не было. В конце концов местные власти вынуждены были признать полную неудачу своего расследования. В указе Вологодского губернского правления читаем: «Произведенным дознанием о побеге из Вологды состоявшего здесь под гласным надзором полиции... Лопатина не обнаружено, при каких обстоятельствах совершился этот побег и в какое именно время с 24 по 26 февраля он последовал.» Побег Лопатина стоил вологодскому полицмейстеру Ушакову его должности. За «нерадение»... он был переведен в г. Тотьму уездным исправником.

цейскими властями до-
зnanie показало, что
Лопатин очень удачно
воспользовался оплош-
ностью полицейских чи-
нов, которым было по-
ручено следить за ним.
На наш взгляд, собы-
тия развертывались та-
ким образом. А. М. Ва-
сильев довольно часто
ездил из Вологды к
своему брату в усадь-
бу Шапкино Грязовец-
кого уезда. Поэтому
его отъезд туда же ра-
но утром 24 февраля
вместе с женой, а так-
же Л. В. Троицкой и
Н. В. Купреяновым не
мог вызвать никаких
подозрений у полиции,
которой, однако, не бы-
ло известно, что в по-
возке был еще один

Сразу же после исчезновения Лопатина в те города и губернии, куда, по предположению вологодских властей мог скрыться беглец, были разосланы письма с указанием примет скрывшегося революционера. Полиция в эти дни особенно тщательно следила за Васильевым и выяснила новые факты, косвенно свидетельствующие о его помощи Лопатину. Так, вскоре стало известно, что 27 февраля Васильеву пришла из Петербурга подозрительная, с точки зрения полиции, телеграмма следующего содержания: «Здоров, мне пиши, некогда, экзамены. Ася». Можно было предположить, что она имела условный смысл и послана была или самим Лопатиным, или по его поручению. 13 апреля приставу II участка стало известно о письме Васильеву из-за границы с сообщением, что Лопатин находится в Париже, а вскоре выяснилось, что Васильев получает письма и от самого Лопатина, переехавшего из Парижа в Лондон. Суммируя все эти факты, полицейский чиновник заключает: «Нельзя не предполагать, что и побег Лопатина был ему (А. М. Васильеву.—Б. М.) известен в самом начале» (ВОГА, ф. 129, рп. 1, д. 39, л. 60 об.).

В Англии русский революционер уже не застал в живых Карла Маркса.

Михайлов Б. Герман Лопатин в вологодской ссылке.—«Север», 1972, № 2, с. 56.

* * *

В Лондон

(Париж), 26 марта 1883 г.

...В тот самый день, когда Маркс умер в Лондоне, Лопатин переходил еще раз границу России. Теперь он здесь, но еще не устроился с квартирой. Его глубоко потрясло известие, которое я сообщил ему тотчас по его приезде. Он собирается написать Вам и мадемуазель Элеоноре, как только будет иметь жилье. ...Лопатин говорит, что он никак не может осознать, что Маркса нет в живых.

— Сердечно жму Вашу руку. Прошу передать мой самый дружеский привет мадемуазель Элеоноре.

Петр Лавров.

Из письма Ф. Энгельса.—В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 484.

* * *

В Лондон

(Париж), 28 марта 1883 г.

Дорогая мисс Тусси!

У меня действительно нет слов, чтобы высказать Вам, как тяжело мне было узнать известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня счастья еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца.

Не сердитесь на меня, что я не написал Вам сразу. Вы знаете, как мне всегда было трудно писать на чужом языке, а за четырехлетнее пребывание в России трудность в этом отношении, как Вы легко можете себе представить, еще больше возросла. К тому же, в течение всех этих первых дней у меня не было собственно угла, и только сегодня я нашел, наконец, маленькую комнату, где могу думать и чувствовать, оставаясь наедине с собой...

Примите, дорогая мисс Тусси, выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности

Вашего Германа Лопатина

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 485.

* * *

В Лондон

(Париж), 28 марта 1883 г.

Дорогой Энгельс!

Надо ли говорить Вам, как тяжело мне было узнать о смерти Маркса? Надо ли говорить Вам, как искренне и глубоко я сочувствую Вашему собственному горю? Я надеюсь, что Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы избавить меня от выражения на ломаном английском языке своих сокровенных чувств по поводу этого горестного события.

Вместе со всем научным и социалистическим миром я с нетерпением жду результатов первого просмотра бумаг Маркса.

Примите еще раз выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности

Вашего Г. Лопатина.

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 484.

* * *

В Париж

Лондон, 2 апреля 1883 г.

Дорогой Лавров!

...Завтра у меня будет, наконец, время, чтобы посвятить несколько часов беглому просмотру всех рукописей, оставленных нам Мавром. Особенno меня интересует очерк диалектики, который он давно хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он понимал: если мы узнаем, что у него что-нибудь готово, то будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать. Все это между нами, я не имею права ничего печатать без Тусси, которая вместе со мной является его литературной душеприказчицей.

Известие о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин благополучно вернулся на волю, явилось для всех нас приятной неожиданностью. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях. Передайте ему от меня горячий привет.

Преданный Вам Ф. Энгельс.

Из письма Ф. Энгельса П. Лаврову.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 487.

* * *

В Петербург

Париж, 17 апреля 1883 г.

Смерть Маркса глубоко поразила меня не только как общественная, но и как личная потеря. Так и не удалось мне обнять его еще раз в жизни; Лафарг совсем расстроил меня, рассказав мне, в каких теплых выра-

жениях вспоминал он всегда обо мне до самой смерти. Он прибавил, что старик всегда утверждал своим близким, что я был одним из немногих, понявших вполне и совершенно самостоятельно его теорию, и (бог ему судья) единственным человеком, от которого он слышал новые оригинальные идеи в экономической области. Вероятно, добрый старик вспоминал всегда одну нашу беседу, с которой началась наша короткость и во время которой я развивал ему предполагаемую аргументацию несуществующего 2-го тома.

Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе, с. 199.

* * *

В Париж

Лондон, 19 сентября 1883 г.

...Сегодня утром вдруг входит Лопатин: его смелые предприятия сделали его значительно более зрелым. Он скоро вернется и останется с нами обедать. Он говорит, что недавно видел Поля и нашел его здоровым и довольным, принимая во внимание все обстоятельства...

Из письма Энгельса П. Лафарг.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2-е. Т. 36.

* * *

Лондон, 21 мая 1883 г.

Мой дорогой г-н Лавров!

...Если друг Лопатин хочет также мне послать что-нибудь (например о его пребывании в тюрьме?), я ему буду очень признателен. Если он пришлет мне несколько статей на французском языке, я сделаю перевод.

...Передайте, прошу Вас, мой самый лучший дружеский привет Лопатину. Неужели не удастся увидеть вас обоих в Лондоне?

Искренне Ваша Элеонора Маркс.

Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., Политиздат, 1947, с. 52.

* * *

Лондон,
13 февраля 1884 г.

Дорогой г-н Лавров!

...Я не могу Вам сказать, как счастлива я была узнать от Литвинова², что наш дорогой друг Л(опатин) в Париже. Обнимите его от меня и скажите, чтобы он дал о себе знать. Литвинов обнадежил меня, что мы увидим его на этих днях в Лондоне. Я очень надеюсь на это.

...Мои лучшие приветы Л(опатину) и Вам от преданной Вам

Сын Германа Лопатина Бруно

Элеоноры Маркс.

Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями, с. 55.

ПРИМЕЧАНИЯ

к главе VI

1. 23 мая копия аттестата была послана в Ташкент.
2. Очевидно, А. Финкенштейн-Литвинов. Умер в 1917 году.